

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОДЕЖДОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
1940-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг. (на примере города
Орджоникидзе)

И. Т. Цориева

В статье на примере Орджоникидзе рассматривается проблема снабжения населения небольших советских городов одеждой и обувью в условиях острого товарного дефицита послевоенных лет. Город Орджоникидзе не принадлежал к категории промышленных центров, пользовавшихся привилегиями при распределении потребительских товаров, поэтому объем и ассортимент завозимой продукции был ограничен и не обеспечивал потребностей горожан. Рядовому жителю с низким уровнем семейного дохода купить готовую одежду в магазине было довольно затруднительно и по причине ее высокой стоимости. Городские власти ориентировали на использование внутренних ресурсов. На предприятиях местной промышленности и промысловой кооперации ежегодно наращивался выпуск предметов массового потребления. Но неудовлетворительное качество сырья, работа на старой технике и по старым технологиям, низкий уровень квалификации работников не обеспечивали должного качества конечного продукта. Поэтому производимые ими товары не пользовались спросом. К середине 1950-х гг. заметно возрос выпуск тканей. Это способствовало развитию традиции рукоделия. Многие шили сами или обращались за помощью к «надомницам», соседкам, умеющим шить. Отчасти запросы горожан в предметах одежды удовлетворялись за счет завоза из регионов, снабжавшихся по более высоким стандартам. Существовал еще один канал – спекуляция. Она приобретала тем больший размах, чем меньше легкая промышленность справлялась с обеспечением граждан качественной продукцией. В нее вовлекались торговые работники, предприимчивые люди. В лексиконе советской повседневности прочно утвердились выражения «достать по благу», «взять из-под полы», «купить по знакомству». С годами нерешенность проблем обеспечения людей доступными и качественными товарами, в том числе одеждой и обувью, становилась источником формирования критических умонастроений в обществе, растущего недовольства и неверия политическим лозунгам «светлого будущего».

Ключевые слова: послевоенная городская повседневность, предметы массового потребления, одежда, обувь, уровень материальной обеспеченности, дефицит, город Орджоникидзе

The article considers the problem of provision with footwear and clothing for Soviet small city dwellers in the conditions of acute shortage of goods in the post-war years by the example of Ordzhonikidze. The city of Ordzhonikidze did not belong to the industrial centers, which enjoyed the privileges in distribution of consumer goods, so the volume and the range of allotted goods were limited and did not meet the requirements of city dwellers. With the low level of the family income it was quite difficult for an average city resident to buy ready-to-wear clothes because of their high price. The city authorities focused on using the internal resources. At the enterprises of the local industry and in producers' cooperations the production of consumer goods annually increased. But the unsatisfactory quality of raw materials, work on old equipment and with old technologies by low-skilled workers didn't provide due quality of final products. Therefore, such goods were not in demand. By the middle of the 1950th the production of fabrics considerably increased. It promoted the development of tradition of needlework. Women sewed themselves or asked for help the «outworkers» and the neighbors, who were able to sew. Partly, the deficit in clothes and foot-wear was relieved by shipping them from the regions, which were supplied according to higher standards. One more channel was speculation. The less the light industry coped with providing the citizens with quality products, the bigger scope it gained. Trade workers, enterprising people were involved in this process. Such expressions «to get on protection», «to buy on acquaintance» were familiarized in the lexicon of the Soviet everyday life. Over the years the suspense of problems of providing people with quality goods, clothes and foot-wear became a source of critical moods in the society, the cause of growing discontent and disbelief in political slogans of the imminent «bright future».

Keywords: post-war urban everyday life, consumer goods, clothing, shoes, level of material security, deficit, city of Ordzhonikidze.

Известно, что для обеспечения нормального процесса жизнедеятельности человек нуждается в удовлетворении каждодневных потребностей в жилье, пище, отдыхе. Важной частью человеческого бытия является предметно-вещный мир, составным элементом которого выступает одежда. Одежде отводится особая роль в формировании материального и эмоционального мира человека. Она представляет собой необходимый элемент повседневной жизни («жизненных условий»), обеспечивающий защиту человека от холода и других неблагоприятных воздействий окружающей среды. В то же время одежда служит показателем материальной состоятельности владельца, свидетельством его эстетических вкусов и пристрастий. Наконец, демонстрирует социальный статус человека, позволяет судить о его социальной принадлежности. Подобная многозначность роли одежды в повседневной жизни обычных людей объясняет интерес к этой теме российских ученых, занимающихся изучением истории повседневности, в том числе повседневной жизни советских городов. Но, несмотря на множественность и тематическое разнообразие работ по данной проблематике [1; 2; 3; 4], отдельные ее аспекты, включая региональный и хронологический срезы, остаются еще недостаточно изученными.

Рассмотрение вопроса на примере города Орджоникидзе послевоенного десятилетия представляется обоснованным, так как позволяет с большей объективностью и достоверностью реконструировать картину повседневной жизни небольших региональных центров в условиях переходного состояния от войны к миру, составить представление о социальной, материально-бытовой составляющей жизни городских

обывателей, наполнить ее «живыми картинками» человеческого бытия. Анализ вопроса проясняет пути и способы удовлетворения потребностей жителей периферийных городов, располагавшихся вдали от промышленных центров и не пользовавшихся привилегиями в снабжении предметами массового потребления, дает понимание того, в какой мере обеспеченность горожан одеждой и обувью влияла на формирование социально-психологического климата и общественных настроений в сложных условиях послевоенного времени.

В первые послевоенные годы абсолютное большинство населения страны, в том числе небольших городов, подобных Орджоникидзе, продолжало существовать в условиях крайней бедности и нехватки элементарных вещей. Люди, уставшие от самоограничений и аскетизма военного времени, с оптимизмом вглядывались в будущее, жили ожиданием новой жизни, которая связывалась с благоустроенным, уютным домом, с налаженным бытом, качественным и разнообразным питанием, красивыми и добротными нарядами.

Однако ожидания рядовых обывателей разбивались о суровую повседневную реальность послевоенного города. Каждодневные будни орджоникидцев были наполнены совершенно прозаическими заботами об элементарном обустройстве своего жизненного пространства. Помимо мыслей о «хлебе насущном» горожан, как и большинство советских людей, волновали вопросы: где приобрести нужную одежду, во что одеть и обуть детей? При этом немногие задумывались о новых модных тенденциях, хотя уже с конца 1940-х гг. по миру победно шествовал новый стиль в одежде «new look», созданный выдающимся французским мо-

дельером Кристианом Диором. За годы войны производство товаров широкого потребления, в том числе одежды, значительно сократилось, и сразу после войны заметных позитивных сдвигов в восстановлении отраслей легкой промышленности еще не наблюдалось. Поэтому в конце 1940-х – начале 1950-х гг. горожане в основном донашивали еще наряды довоенного и военного времени. В условиях действия карточной системы в 1946-1947 гг. при тяжелом материальном положении большинства городского населения пополнить или обновить гардероб было чрезвычайно сложной задачей.

Отложившиеся в архивах документы, а также свидетельства современников дают представление об источниках и способах приобретения городскими жителями одежды и обуви. Рядовому горожанину купить готовую одежду в магазине было довольно затруднительно по двум основным причинам: из-за высокой стоимости и дефицитности товара. В середине 1940-х – 1950-х гг., особенно сразу после войны, торгующие организации не располагали ресурсами, позволявшими обеспечить в должной мере потребности населения не только в готовой одежде, но и в тканях, нитках, пуговицах и другой фурнитуре.

До отмены карточной системы в декабре 1947 г. одним из главных каналов снабжения населения товарами массового спроса, в том числе одеждой, являлась система государственного нормированного распределения (в несколько трансформированной форме такой способ распределения дефицитных товаров был востребован и позднее). Эту практику ярко иллюстрирует письмо, направленное в феврале 1946 г. Комитетом по делам высшей школы при Совете Министров СССР на имя директора Северо-Осетинского пединститута. В

нем сообщалось о выделении «промтоварного фонда на I квартал 1946 г. для отоваривания промтоварных карточек» преподавателей, аспирантов и студентов вузов Северной Осетии. В перечне товаров значились хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные ткани, кожаная обувь, белье, чулки, носки, нитки. Они выдавались по подписанным директором вуза ордерам в местных органах Наркомата торговли [5, 9].

При распределении предметов массового потребления, как и продуктов питания, учитывалась принадлежность к одной из четырех категорий населения (рабочие, служащие, иждивенцы и дети до 12 лет). При этом действовал принцип «литерного снабжения», определявшийся в зависимости от вида деятельности и занимаемой должности. В 1946 г. в Северо-Осетинском НИИ из 8 работавших на постоянной основе научных сотрудников один человек (директор) снабжался по списку «в», трое – по списку «д», остальные – по списку «е». В период действия карточной системы этот принцип соблюдался при распределении многих дефицитных промышленных товаров. Так, в апреле 1946 г. с учетом «литерной принадлежности» между работниками института было распределено 64 м бязи [6, 209; 7, 47; 8, 18].

По мере восстановления разрушенного войной народного хозяйства, налаживалась работа предприятий легкой промышленности. На прилавках магазинов появлялось больше товаров широкого потребления. Но проблема снабжения населения одеждой и обувью в нужных объемах и ассортименте оставалась нерешенной. Серьезным препятствием в решении этой задачи являлась материальная необеспеченность населения.

В послевоенные годы в силу незначительных размеров пенсии и пособия

не занимали сколь-нибудь существенного места в семейных бюджетах. К примеру, в 1948 г. в структуре денежных доходов семей рабочих промышленности на долю пенсий и стипендий приходилось 5,5%, а основным источником дохода служила заработная плата – 85,9% [9, 95].

1. Если принять во внимание отмеченное обстоятельство, то очевидно, что размер заработной платы в решающей степени влиял на покупательную способность городской семьи. Он являлся показателем материальной состоятельности и обеспечивал психологическую устойчивость городского населения в условиях тяжелой послевоенной реальности. Имеющиеся в нашем распоряжении документальные источники подводят к заключению, что уровень обеспеченности рядовой семьи с детьми и с двумя работающими, несмотря на некоторую положительную динамику на протяжении послевоенного десятилетия, оставался невысоким. По данным Статуправления СО АССР с 1945 по 1956 г. среднемесячная заработная плата рабочих и служащих увеличилась с 460 до 780 руб. (в ценах 1926 / 27 гг.). (Следует отметить, что по отдельным отраслям народного хозяйства эти показатели заметно разнились: например, в 1945 г. зарплата рабочих и служащих в системе общественного питания составляла 260 руб., в строительстве – 650 руб.; в 1956 г. – соответственно 400 и 910 руб.). При этом покупательная способность горожан выросла незначительно. Больше половины средств уходило на пропитание. Поэтому для семьи с небольшим достатком покупка даже сравнительно недорогого штапельного полотна стоимостью 25-32 руб. за метр могла быть обременительной [10, 14-15; 11, 31]. Еще острее на семейном бюджете сказывалась покупка дорогой

вещи. Простой обыватель не мог позволить себе купить пятилетнему ребенку пальто из драпа за 440 руб., поэтому оно обычно оставалось невостребованным. А магазин не предлагал товар по более доступной цене [12].

Неспособность родителей обеспечить детей одеждой, особенно в холодное время года, нередко становилась причиной того, что некоторая часть учащихся покидала школу. Это вызывало серьезное беспокойство городских властей, поскольку нарушался закон о всеобуче. Для оказания помощи малообеспеченным семьям на предприятиях и учреждениях создавались фонды помощи всеобучу. Они выделяли патронируемым и опекаемым детям деньги на одежду и обувь. В первом полугодии 1948 / 1949 учебного года из этих фондов школы города Орджоникидзе получили 157 тыс. руб. Сбором одежды и обуви для нуждающихся детей занимались и родительские комитеты школ [13, 75].

К наиболее материально незащищенной части населения города относилась молодежь, приезжавшая на учебу из сельских районов республики. По воспоминаниям респондентки, учащейся музыкального училища в начале 1950-х гг., на все случаи жизни у нее было единственное платье, пошитое из штапеля зеленого цвета в мелкий цветочек. Оно досталось ей от старшей сестры. «Однажды, – рассказывала респондентка, – знакомый парень пригласил меня погулять в парке. Мне очень хотелось пойти, но я отказалась. Нечего было надеть. Я ходила в одном и том же платье, часто его стирала, поэтому оно выцвело и истончилось настолько, что в некоторых местах стало даже просвечивать белье. Я очень стеснялась из-за этого, но денег на новый наряд не было» [14].

В целом гардероб среднестатистического жителя Орджоникидзе послевоенного десятилетия не отличался большим разнообразием. Он состоял, как правило, у женщин из юбки с блузкой или платья, у мужчин из пары брюк и рубашки. Донашивали также форму, оставшуюся с войны – гимнастерки, кители, телогрейки, сапоги. Вновь пошитые костюмы и пальто, судя по фото- и кинодокументам, тоже напоминали стиль военного времени. Обувь в основном была черной расцветки, реже коричневая и серая. Не существовало особых различий и в межсезонной обуви. В одних и тех же туфлях или ботинках на шнуровке можно было проходить круглый год. В качестве зимней обуви использовались валенки – «бурки» с галошами. Но это скорее был элемент одеяния детей и пожилых людей. Конечно горожанам, особенно женщинам, хотелось выглядеть более нарядно и привлекательно. Образцами для подражания служили любившиеся героини киноэкрана, чьи фасоны платьев копировали городские модницы. Молодые женщины и девушки надевали приталенные платья, носочки и туфли с закругленным носом и широким каблучком. В дождливую погоду «щеголяли» в не лишенных изящества черных резиновых ботиках на каблучке.

Молодежь всегда была наиболее восприимчивой к новым модным веяниям. В середине 1950-х гг. на улицах города изредка стали появляться молодые люди в сильно зауженных пиджаках с большими накладными плечами, зауженных брюках и юбках, в обуви на белой толстой каучуковой подошве («микропорке») с широким носом и застежкой в виде бляхи. Это были «первые ласточки», возвестившие о рождении новой молодежной субкультуры. Порой они «прилетали» в Орджоникидзе

из Москвы после окончания института. В общественном мнении их окрестили «стилягами» и решили, что их внешний вид – это вызов существующим общественным нормам [15]. Но «стиляжничество» в среде молодых орджоникидзевцев не получило сколь-нибудь заметного распространения. Развитию этого явления в городской повседневности препятствовали не только консерватизм провинциального общества, боязнь общественного осуждения. Естественной преградой служила материальная несостоятельность большинства городских жителей, для которых уже само приобретение «обновы» было знаком исключительности. Модная же одежда чаще всего приобреталась у спекулянтов и требовала немалых финансовых затрат.

Чтобы удовлетворить спрос горожан в одежде и обуви властные структуры предпринимали меры к налаживанию работы местных предприятий по производству предметов массового потребления на собственной сырьевой базе. В республике работали три швейные фабрики, творческие группы которых разрабатывали в соответствии с новыми модными тенденциями фасоны одежды. Вот как описывал журналист достоинства шерстяного дамского платья новой модели, изготовленного на Орджоникидзевской швейной фабрике № 2 и выставленного в одном из магазинов готового платья: «А вот платье для девушки модного фиолетового цвета... Пройдет немного времени, и женщины Северной Осетии смогут купить эти элегантные платья». Однако автор статьи лукавил, выдавая желаемое за действительное. Экспериментальные модели конструкторов-модельеров оставались выставочными образцами и не внедрялись в массовое производство [16]. По утверждению историка моды

Л. Захаровой, разница в интересах и мотивациях модельеров, представителей торговли и фабрик оказывалась препятствием для проникновения модных силуэтов на фабрики и в магазины [17, 166].

Обоснованность этой точки зрения подтверждает ситуация, сложившаяся на Швейной фабрике имени С. М. Кирова в конце 1950-х гг. Предприятие, специализировавшееся на производстве демисезонного пальто, в соответствии с требованием «Росторгодежды» приступило к выпуску теплых зимних пальто в небольших размерах. Но довольно скоро стало очевидно, что для налаживания выпуска соответствующего ассортимента продукции нет ни производственных мощностей, ни подготовленных кадров работников. В соответствии с новыми технологиями потребовалось также перестраивать работу производственных бригад. В итоге, фабрику начало лихорадить, срывалось выполнение плана. Руководители предприятия подвергались жесткой критике вышестоящими органами и просили освободить от обязательств перед «Росторгодеждой». По их мнению, торговые предприятия «взваливали свои проблемы» на производителей. Разрешить противоречие между производителем и торгующими организациями, главной «страдательной» стороной которого были рядовые потребители, они предлагали, организовав завоз требуемой продукции из других регионов, в частности из Москвы, на предприятиях которой было налажено соответствующее производство [18].

Тяжело решалась проблема снабжения населения обувью. Торгующие организации города предпочитали завозить больше обуви московских и ленинградских фабрик, поскольку производимая Орджоникидзевской обувной

фабрикой и комбинатом национальных изделий продукция, несмотря на наращиваемый из года в год выпуск изделий, совершенно не пользовалась спросом из-за низкого качества материала и исполнения.

– Э, да это же туфли местного производства! – с оттенком пренебрежения в голосе замечал покупатель, зайдя в обувной отдел и разглядывая туфли, произведенные на комбинате национальных изделий.

Торгующие организации возвращали предприятиям «неходовой» товар. Однако те не способны были исправить ситуацию. Руководство комбината жаловалось, что в 1954 г. не получило от «Главобуви» ни одного дециметра кожаных товаров, предназначенных для производства 5 тыс. пар «модельной» обуви. Качество изготовленной из имевшихся материалов обуви (около 2 тыс. пар) вызвало серьезные нарекания. В ответ на предъявленные претензии руководство фабрики сослалось на неудовлетворительную работу поставщиков материала: местного кожевенного завода. Те в свою очередь обвинили в нарушении поставок отдел снабжения сырьем. Это была обычная практика в отношениях представителей разных ведомств [19].

Тем временем, местные обувные предприятия ежегодно выполняли и перевыполняли планы выпуска продукции. Изготавливались тысячи пар обуви – мужских полуботинок, женских летних туфель, летних и зимних туфель для девочек и др. Но вся эта продукция была низкого качества, пошита на колдовках устаревших фасонов и моделей, грубо отделана внешне и внутренне. Торговая сеть отказывалась принимать ее на реализацию и требовала снять с производства, наладить выпуск «модельной» обуви. Предприятия ссыла-

лись на обязательность выполнения государственных планов и продолжали производить продукцию, которая залеживалась на складах предприятий или на полках магазинов, не находя спроса. При этом не учитывались не только современные модные тенденции, но и непосредственные потребности людей. Горожане и приезжавшие из сел искали в магазинах ичиги, мужские хромовые сапоги, «модельную» обувь, но не находили их. Не выпускалась популярная среди горожан обувь на микропористой основе, хотя сырье имелось, и работники торговли просили: «Дайте нам побольше такого товара». Склаживалась парадоксальная ситуация – производство обуви на местных предприятиях росло, а люди не могли найти нужный им товар. Чтобы удовлетворить спрос населения в хромовой мужской и женской обуви представители Северо-Осетинской торговой базы выезжали для закупок в Грозный, Пятигорск, Черкесск, Ставрополь, Ростов на Дону и другие города Советского Союза. Особым спросом пользовалась продукция ленинградской фабрики «Скороход» [20].

Городские власти пытались решать проблему обеспечения потребностей населения в предметах массового потребления с помощью промысловой кооперации. Постановление Совета Министров СССР от 9 ноября 1946 г. «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» стимулировало развитие системы промкооперации в Северной Осетии, способствовало открытию новых видов производства с использованием местного сырья [21, 40].

В соответствии с указанным постановлением Совета Министров СССР в 1948 г. в городе Дзауджикау-Орджоникидзе была реорганизована действовавшая система кооперации и созданы специализированные предприятия по видам трудовой, производственной и торговой деятельности. Сапожники объединены в артель «Коммунар». Мастерские по производству трикотажных, швейных изделий и головных уборов вошли в артель «Объединение». Работавшие в сфере деревообработки, мыловаренья, изготовления кроватей, химических красок включены в артель «Красная звезда». Были основаны специальные артели «Новый путь», «Осторгин», которые занимались торговлей и заготовкой сырья для производства товаров широкого потребления. Развивалась и кооперация инвалидов. Были организованы новые виды производства с использованием местных видов сырья. В частности, налажено изготовление шерстяных изделий (перчаток, чулок, носков, свитеров ручной вязки), колясок детских деревянных и досок стиральных, заготовка и переработка фруктов и овощей, колбасное производство и хлебопечение и др. [21, 40-41, 43].

Несмотря на поддержку промкооперации со стороны городских властей, ее продукция не оправдывала ожиданий потребителей. В 1949 г. по итогам экспертизы деятельности промкооперации с участием торгующих организаций города, представителей Министерства торговли, Горторготдела, экспертов, представителей артелей как «неходовой фасон» были сняты с производства трикотажные изделия артели «Объединение», коренной переделки требовала продукция обувщиков артели «Коммунар». Причем в обоих случаях претензии предъявлялись, прежде

всего, к работе мастеров-изготовителей (плохой крой, плохая отделка) [21, 45].

Относительно развитая сеть городских ателье также не гарантировала качественных услуг горожанам. Человек, решивший воспользоваться услугами ателье, должен был запастись огромным терпением, так как на исполнение заказа мог уйти не один месяц. При этом многодневные хождения и многочасовые ожидания не воспринимались, как нечто исключительное. То были обычные и даже «ожидаемые издержки» в работе системы бытового обслуживания. О печальном опыте общения с работниками ателье рассказывала на страницах газеты «Социалистическая Осетия» жительница Орджоникидзе М. Ларченко. В начале зимы в ателье мод № 2 на пр. Сталина она заказала демисезонное пальто. Закройщику показалось мало четырех метров принесенной подкладочной ткани. Пришлось докупить еще полметра, но уже другого цвета за отсутствием соответствующей ткани. Тем не менее, начало не предвещало серьезных проблем. «Хождения по мукам» начались позднее. Пытаясь выяснить судьбу своего заказа, Ларченко каждый раз слышала: «Рановато. Зайдите через несколько дней...» Удача улыбнулась лишь на пятое посещение ателье. «Когда я возмущалась этой волокитой, примерщица мне спокойно отвечала:

– Не волнуйтесь, гражданка. У вас есть зимнее пальто, а демисезонного пока не нужно (?!).

После долгих мытарств пальто было готово. «Но как? Изменили фасон, борта украсили бахромой из ниток, закрепок не пришили». Еще больше клиентку ателье поразило то, что даже при самом тщательном осмотре она не обнаружила того полметра, на покупке которого так настаивал закройщик [22].

Подобных историй было немало, и они всегда заканчивались одним: испорченным настроением от непрофессионализма, грубости работников ателье, неудовлетворенности полученным результатом. Оскорбленный заказчик не мог рассчитывать даже на извинение, поскольку это был обычный стиль общения с рядовым клиентом. Конечно, как и в любой сфере, в городских ателье и мастерских работали талантливые люди, высоко ценившие понятие профессиональной чести, дорожившие мнением клиентов и с большой ответственностью подходившие к результатам своей работы. Их труд получал общественное признание. О некоторых из них писали в газетах, о других узнавали благодаря «сарафанному радио». Популярность настоящих мастеров была велика, и попасть к ним считалось большой удачей. Причем дело было не только в их чрезвычайной занятости, но и в высоких расценках, которые были далеко не по карману большинству горожан. Шанс стать клиентом высококлассного мастера, как правило, выпадал только «избранным» (представителям партийно-государственной номенклатуры, состоятельным горожанам, способным платить немалые деньги за предоставляемые услуги). Большинство же искало другие, более доступные способы улучшения своего внешнего вида.

Многие шили сами или обращались за помощью к знакомым портнихам, «надомницам», к соседкам, умеющим шить. Девочкам в семье активно прививали интерес к шитью. Развитию этой традиции помогал заметно возросший к середине 1950-х гг. выпуск разных видов тканей (штапеля, креп-жоржета, трикотажа, вельвета, драпа, ратина). Со временем ассортимент тканей расши-

рялся. Появились и более качественные и дорогие шерстяные и шелковые ткани. Вместе с тем, росло число курсов кройки и шитья в клубах и домах культуры и желающих обучаться на них. Большую помощь в овладении навыками шитья оказывали советы по раскрою и пошиву костюмов, платьев, юбок, рубашек, а также выкройки, публиковавшиеся на страницах журналов. Многие из опрошенных нами респондентов, умевшие шить, вспоминали, что обычно они использовали при раскрое своих нарядов модели, публиковавшиеся на страницах журналов «Работница», «Журнал мод». В сшитых своими руками из недорогих тканей платьях и костюмах они ходили на работу, на занятия, в кино, в гости и т.д. [23].

Спрос городских жителей на одежду и обувь удовлетворялся и иными способами. Ее частным образом могли привозить из других регионов страны, где снабжение промышленными товарами было организовано значительно лучше, чем в городах, подобных Орджоникидзе, обеспечивавшихся товарами «по третьей категории». Вожаком для рядового горожанина была Москва, где «есть все». Любопытный человек, отправлявшийся в столицу по делам службы или на учебу, получал обычно массу заказов от родственников, друзей, соседей на приобретение самых разных вещей, начиная от капроновых чулок и заканчивая пальто. Одежду и обувь привозили также из Баку, Тбилиси и Еревана. Причем шилась она на месте по модным лекалам и имела вполне сносный вид. В 1950-е гг. в гардеробе некоторых жителей Орджоникидзе появляются товары китайского производства (блузки, халаты с драконами, туфли и др.), предмет гордости владельцев и мечты жаждущих. Традиционно хорошего качества, они в немалых коли-

чествах завозились в СССР, пока не закончилась «китайская дружба» [24, 14].

Но прилавки местных магазинов по-прежнему не «баловали» богатством и разнообразием ассортимента. К тому же товары в магазины поступали в ограниченном количестве и довольно быстро раскупались. Поэтому даже при наличии денег горожанам достать необходимый товар было непросто. Нехватка добротной качественной одежды приводила к тому, что торговые работники припрятывали товары, не выпускали ее в открытую торговлю. Вообще выражения «достать по блату», «взять из-под полы», «купить по знакомству» все больше входили в лексикон советской послевоенной действительности, превращались в знаки-символы времени всеобщего дефицита.

Оборотной стороной дефицита была спекуляция. Эта форма предпринимательской активности приобретала тем больший размах, чем меньше легкая промышленность страны на фоне постепенного роста материального благосостояния горожан справлялась со снабжением населения качественными товарами широкого потребления.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что в послевоенной повседневности снабжение городского населения одеждой и обувью являлось одной из трудно решаемых проблем в условиях крайнего дефицита потребительских товаров и низкого уровня материальной обеспеченности большинства горожан. Орджоникидзе не входил в перечень промышленных центров, пользовавшихся привилегиями при распределении предметов массового потребления. Продукция предприятий легкой промышленности, поступавшая извне в небольших объемах, не могла покрыть имеющийся дефицит в одежде и обуви. Использование внутренних ресурсов,

развитие местных швейных и обувных производств, предприятий промышленной кооперации также не давало должного результата. Производимая ими продукция, как правило, не отличалась высоким качеством и не пользовалась спросом у потребителей.

В целом в послевоенное десятилетие предлагаемые предприятиями легкой промышленности и торговыми организациями товары широкого потребления ни по качеству, ни по ценовой политике, ни по объемам производимой продукции не удовлетворяли запросов населения. Подавляющее большинство горожан отличалось непритязательностью вкусов. Люди не пытались «угнаться за модой». Главными требованиями к приобретаемым вещам были дешевизна, носкость и практичность. «Привычка к бедности» [9, 103], вера в то, что «все трудности

временные, и завтра будет лучше» [15], формировали психологию самоограничения, терпимости к отсутствию многих предметов, являющихся привычными элементами повседневной реальности обычного человека. Но ресурс ожидания «светлого будущего» постепенно истощался. С годами, по мере повышения материального благосостояния городского населения, нерешенность проблем обеспечения людей доступными и качественными потребительскими товарами, в том числе одеждой и обувью, наряду с растущим дефицитом в сфере продовольственного снабжения, становилась источником формирования критических умонастроений. Она пробуждала чувства неудовлетворенности, недовольства и скепсиса и тем самым способствовала размыванию социальной базы советского общества.

1. Поляков Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125-132.
2. Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан. СПб., 2003.
3. Доценко А. М. Повседневная жизнь советского города начала 1950-х – первой половины 1980-х годов (на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2007.
4. Мордвинцева А. В. Послевоенная городская повседневность: Тюмень и тюменцы в 1945-1953 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010.
5. Научный архив СОИГСИ (НА СОИГСИ). Ф. 13. Оп. 1. Д. 66.
6. Цориева И. Т. Проблема восстановления и развития кадрового потенциала советской науки во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг.: по материалам Северной Осетии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7. Ч. 3. С. 209-212.
7. НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 65.
8. НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 68.
9. Зубкова Е. Ю. «Привычка к бедности». Проблемы измерения уровня жизни в СССР в 1940-1960-е годы // Российская история. 2013. № 5. С. 92-104.
10. ЦГА РСО-А. Ф. Р 384. Оп. 19. Д. 23.
11. ГАНИ РСО-А. Ф. 211. Оп. 2. Д. 32.
12. Социалистическая Осетия. 1955. 16 августа.
13. Цориева И. Т. Культура Северной Осетии во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. Владикавказ, 2014.
14. Воспоминания Л. М. Кодзасовой (1937 г.р.), записано автором.
15. Воспоминания Т. А. Хамицаевой (1932 г.р.), записано автором.
16. Социалистическая Осетия. 1960. 11 октября.
17. Обсуждение кн.: С. В. Журавлев, Ю. Гронов. Мода по плану: история моды и моделирование одежды в СССР, 1917-1991 // Российская история. 2015. № 5. С. 165-189.
18. Социалистическая Осетия. 1961. 4 декабря.
19. Социалистическая Осетия. 1955. 23 января.
20. Социалистическая Осетия. 1960. 4 сентября.
21. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 188.
22. Социалистическая Осетия. 1955. 30 января.
23. Воспоминания Э. Г. Гроевой (1941 г.р.), записано автором.
24. Киришин В. Частная жизнь. Очерки частной жизни пермяков 1955-2001. Пермь, 2003.